

А. Фадлан

Путешествие ИБН-Фадлана на Волгу

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 91
ББК 26.8
А11

A11 **А. Фадлан**
Путешествие ИБН-Фадлана на Волгу / А. Фадлан – М.: Книга по Требованию, 2023. – 227 с.

ISBN 978-5-458-28884-2

«Записка» Ахмеда Ибн-Фадлана – чрезвычайно важный источник по истории Восточной Европы X века. Ее автор посетил Волжскую Булгарию в составе посольства аббасидского халифа аль-Муктадира (908–932 гг.). Поездка была предпринята по инициативе правителя Волжской Булгарии, который, желая избавиться от власти хазар, просил покровительства халифа и обещал принять ислам. Посольство вышло из Багдада в 921 г. и прибыло в Волжскую Булгарию в мае 922 г. О его результатах ничего не известно, но Ибн-Фадлан (возможно, второе лицо в посольстве) оставил подробный отчет о путешествии, и в этом отчете приводится множество уникальных сведений этнографического характера о гузах, башкирах, булгарах и хазарах. Кроме этого, Ибн-Фадлан видел в Булгарии русов и оставил подробное описание их погребального обряда.

ISBN 978-5-458-28884-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригиналe, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящим изданием Академия Наук СССР начинает серию переводов арабских источников для истории народов нашего Союза. Мысль о подготовке свода этих источников оформлялась еще в начале 30-х годов, когда была опубликована в изданиях Академии Наук записка с характеристикой намеченного плана и приемов. Первоначально предполагалось составить единый большой свод, осуществление которого требовало долгого ряда лет и сложной предварительной работы. Быстрые темпы развития нашей исторической науки и усиленный интерес, проявляемый к арабским источникам за последнее время, побудили перейти к изда-нию переводов отдельными самостоятельными выпусками, посвященными или определенному автору или группе однородных произведений.

Выбор содержания для первого выпуска, помимо внутренних сообра-жений, был ускорен обстоятельством внешнего порядка. Всем историкам известно, какое значение среди арабских источников в этой области имеет записка Ибн-Фадлана о его путешествии к волжским булгарам в начале X в. Впервые привлеченная к исследованию больше ста лет тому назад, она в течение века доставляла богатый материал для исследований специалистов по истории и арабистов-филологов. Однако при изучении текста записи они до сих пор были вынуждены исходить исключи-чительно из тех извлечений, которые сохранены одним географом начала XIII в. и которые в общем стали известны уже в 20-х годах прошлого столетия.

Между тем в 1935 г. в распоряжение Академии Наук СССР, благо-даря вниманию Иранского правительства, поступила фотография с откры-той в 1923 г. в Мешхеде новой рукописи Ибн-Фадлана, в которой записка его сохранилась в значительно более полном виде, чем было известно до сих пор. Это обстоятельство настоятельно требовало возможно быстрого ознакомления всех историков с новым важным материалом в переводе, учитывающем все результаты, достигнутые до сих пор при изучении текста Ибн-Фадлана. Настоящая работа представляет только первый шаг в исследовании нового материала и не претендует на реше-ние всех вопросов, связанных с Ибн-Фадланом вообще. Из вступитель-ной статьи ясно, сколько таких вопросов подлежит дальнейшему изуче-нию как историков, так и филологов. Тем не менее новая рукопись

Предисловие

представляет настолько важное значение, что перевод ее несомненно даст толчок дальнейшему изучению; можно надеяться, что в истории исследования Ибн-Фадлана это открытие явится таким же этапом, как в свое время работы Френа и Розена.

Дальнейшие выпуски, посвященные сведениям других арабских источников о странах и народах СССР, подготавляются к печати.

И. Крачковский.

**ИБН-ФАДЛАН И МЕШХЕДСКАЯ
РУКОПИСЬ**

Прошло уже более ста лет, как трудами Януса Расмуссена и особенно акад. Христиана Френа замечательные рассказы арабского писателя начала X в. Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии к волжским булгарам сделались достоянием науки. С тех пор, благодаря яркости описания, богатству материала, относящегося к отдаленной эпохе, из которой дошло так мало сведений, это описание приобрело большую известность. Многочисленные общие историки материальной культуры и верований, археологи и этнографы широко использовали эти данные как в специальных исследованиях, так и в общих курсах, в популярных книгах вплоть до учебников. Немалую роль уже с самого своего открытия сообщения Ибн-Фадлана играли в пресловутой полемике между так называемыми, норманистами и антинорманистами, тянувшейся более столетия. Наконец, самый яркий и драматический эпизод, описанный Ибн-Фадланом нашел свое воплощение в грандиозной картине Генриха Семирадского „Похороны руса“.

Между тем произведение Ибн-Фадлана до последнего времени было известно только в отдельных отрывках в извлечениях, сделанных три века после него другим арабским писателем, трудолюбивейшим и ученическим компилятором Якутом для его „Географического словаря“. Он же был первым ученым, который пытался отнести так или иначе критически к нашему автору. Абу-Абдаллах Якут аль-Хамави ар-Руми (т. е. „византиец“) родился около 1179 г. в пределах Византии от родителей не-арабов и еще ребенком был захвачен в плен и продан в рабство некоему торговцу в Багдаде по имени Аскар ибн-Ибрахим аль-Хамави. Этот последний дал ребенку хорошее образование, и по его поручению Якут ездил по коммерческим делам. В 1199 г. он получил свободу и одновремя зарабатывал на жизнь переписыванием книг. Он было обосновался на постоянное жительство в Багдаде и сделался книгопродавцем. Однако с 1213 г. снова начинаются его путешествия, среди которых Якут, соединяя торговлю с научными занятиями, знакомился со многими городами и странами. Он едет в Табриз, потом в Сирию, в Египет, оттуда опять в Сирию (Дамаск, Алеппо), потом в Мосул, наконец в Мерв в Хорасане. Здесь он остается два года, усиленно занимаясь в богатых местных библиотеках. Именно здесь он начинает собирать материалы для своих главных работ, и его пребывание здесь для нас приобретает особый интерес, так как именно в Мерве или вообще в Хорасане он, вероятнее всего и нашел сочинение Ибн-Фадлана. Действительно, Якут уверяет,

что в его время это сочинение было весьма распространено и находилось у многих лиц. Однако все же несомненно, что багдадские ученые, вообще писатели более западной части арабского мира, повидимому, не имели об этом сочинении никакого понятия.¹ А между тем им пользовался Ахмед Тусский, имя которого связано со старой столицей Хорасана, Тусом, новейшим Мешхедом, тем самым, где и была найдена пока единственная дошедшая до нас рукопись сочинения самого Ибн-Фадлана. Таким образом приведенные выше слова Якута, по всей вероятности, должны быть отнесены только к восточному Ирану, где он сам познакомился с сочинением нашего писателя. Среди ученых занятий и путешествий в Хорасане и Хорезме Якута застигла надвинувшаяся тогда монгольская гроза — Чингис-хан. Пришлось бросить все и бежать, сначала в Мосул, а потом в Алеппо к ученому и гостеприимному визирю Ибн-аль-Кифти, автору большого биографического словаря ученых. Якут прибыл к нему в 1222 г. Спокойное пребывание в Алеппо в течение двух лет дало ему возможность завершить свое грандиозное дело — составление огромного „Географического словаря“, который он закончил 13 марта 1224 г. Потом он ездил в Мосул и Египет и, наконец, в 1228 г. опять вернулся в Алеппо. Здесь он все еще продолжал работать над отделкой своего географического сочинения и умер 20 августа 1229 г.²

„Географический словарь“ Якута, над которым он работал с 1215 г. до смерти, представляет всеобъемлющую компиляцию, целую энциклопедию, без которой в наше время трудно себе представить научную работу не только в области исторической географии, но и в истории соответствующих стран вообще. Не так было во времена Я. Расмуссена. „Должно казаться странным,— писал Х. Френ в 1823 г. (Fr. Rus., Библ. 15,³ р. XIV),— что такое важное сочинение, с изданием которого наша география Азии сделала бы гигантский шаг вперед, так мало было использовано до Я. Расмуссена. Только, как мне кажется, Голиус⁴ и Келер⁵ наводили в нем справку, и последний, повидимому, очень скромно“. Таким образом Я. Расмуссену принадлежит не только та заслуга, что он впервые извлек Ибн-Фадлана из компиляции Якута, но что он вообще обратил надлежащее внимание на „Географический словарь“ этого последнего. Итак, в 1814 г. в Копенгагене в датском ежемесячнике „Athene“, издававшемся Molbech'ом, появилась статья Я. Расмуссена под назва-

¹ Так, напр., о нем ничего не говорит багдадец ан-Надим, автор *Фихриста*, живший в конце X в., хотя его сочинение представляет собою указатель всех известных ему предшествующих арабских сочинений по самым разнообразным областям знания.

² См. R. Blachère в „Enc. de l'Islam“ IV, p. 1216.

³ Цифры при отметке „Библ.“ указывают на номера данного мною на стр. 172—182 „Обзора источников и пособий“, а „Fr. Rus.“ и т. п. представляют условные сокращения, раскрытые в том же „Обзоре“ в „Указателе сокращений“.

⁴ J. Golius в комментариях к изданию „Muhammedis fil. Ketiri Ferganensis qui vulgo Alfraganus dicitur Elementa astronomica“. Amstelodami, 1669.

⁵ J. B. Köhler. Abulfedae Tabula Syriae. Lipsiae, 1766.

нием: „О знакомстве и торговле арабов с Россией и Скандинавией в средние века“ (Библ. 23), в которой и был дан датский перевод всей главы Якута о русах (стр. 305—318). Основывался этот перевод на копенгагенской рукописи (Библ. 4), одной из двух рукописей Якута, известных тогда в Европе. Статья Я. Расмуссена вызвала большое внимание и одобрение критики и вскоре вышла в шведском и английском переводах (Библ. 23). В настоящее время первоначальный датский перевод, а в особенности шведский и английский, из которых последний к тому же сделан весьма небрежно, потеряли научное значение, тем более, что впоследствии, в 1825 г., Я. Расмуссен издал отдельно еще латинский перевод рассказа Ибн-Фадлана о русах, в котором он уже принял во внимание вышедшую за это время капитальную работу Френе. Этот латинский перевод таким образом является последним словом Я. Расмуссена в этой области (Библ. 24). Данный перевод я привлекаю, главным образом, потому, что Я. Расмуссен сделал его непосредственно с копенгагенской рукописи, которую Х. Френ использовал лишь косвенным образом и которую Бюстенфельд и Зейппель не могли использовать вовсе. С другой стороны, Я. Расмуссен соединял в себе знания арабиста и знакомство со скандинавскими древностями, что в отдельных случаях представляло известное преимущество.

Однако все же заслуга создания действительно капитального труда по изучению Ибн-Фадлана принадлежит акад. Х. Френу. Толчком к его изысканиям явилось, несомненно, начинание Я. Расмуссена, но Х. Френ едва ли смог бы осуществить свою задачу, если бы к тому времени, а именно в 1819 г., в Азиатском музее не была получена почти полная рукопись сочинения Якута из собрания Руссо (Библ. 2). Конечно, Х. Френ не ограничился ею, а постарался так или иначе привлечь и две другие известные тогда в Европе рукописи — копенгагенскую и оксфордскую, но все же рукопись Азиатского музея легла в основу его работы.

Так как сообщения Ибн-Фадлана сохранились в разных частях словаря Якута, под разными рубриками, то Х. Френу было весьма удобно извлекать их по очереди и обрабатывать в виде монографий. Таким образом в 1822 г. он издал по тексту Якута сообщение Ибн-Фадлана о хазарах (Библ. 13) и о башкирах (Библ. 14). В том и другом дано латинское предисловие, арабский текст, латинский перевод и комментарии, которые в статье о хазарах содержат параллельные арабские тексты из Ибн-Хаукаля и других авторов. Кроме того, там еще особо приложены выписки (арабские тексты и переводы) сообщений Якута и Ибн-Хаукаля о разных городах Хазарии, непосредственного отношения к Ибн-Фадлану не имеющие. Уже в этих своих изданиях Х. Френ делает ссылки на следующую свою работу, которая тогда была готова в рукописи. Этот капитальный труд, вышедший в 1823 г. на немецком языке, посвящен повествованию Ибн-Фадлана о русах (Библ. 15). План этого сочинения тот же, что и предыдущих, но в нем Х. Френ произвел огромную работу, широко использовав свою эрудицию ориенталиста. Всего в этом сочинении LXXXI + 281 = 362 стр., из которых лишь 10^{1/2} содержат основ-

ной арабский текст Ибн-Фадлана и столько же страниц немецкого перевода. Остальное представляет собой обширное вступление, подробнейший комментарий с привлечением всех доступных в то время данных и три приложения: 1) конъектуры имен племен русов, упомянутых у Ибн-Хаукаля и у некоторых других арабов, 2) о варягах и варяжском море у арабских географов и 3) опыт о народе „вису“. Далее идут тоже довольно обширные дополнения и исправления и к комментариям и к упомянутым статьям, далее еще дополнение, сданное уже во время печатания, о новых полученных из-за границы выписках из различных арабских авторов, и, наконец, три указателя. После этого капитального труда Х. Френ уже значительно позднее, в 1832 г., издает еще один отрывок из Ибн-Фадлана о булгарах (Библ. 16), тоже на немецком языке, с такой же тщательной обработкой и по тому же плану. Вместе с тем в том же томе „Записок“ Академии 1832 г. Х. Френ помещает особую статью: „Drei Münzen der Wolga-Bulgaren aus dem X. Jahrhundert“, где разбирает вопросы, касающиеся Булгарии, в тесной связи с только что упомянутым его изданием Ибн-Фадлана.

Значение работ Х. Френа было весьма велико и сохранялось долгое время, можно сказать, до наших дней. В 1902 г. другой выдающийся ориенталист, акад. В. Розен, давая в особой работе „Пролегомена к новому изданию Ибн-Фадлана“ (Библ. 27) оценку трудам Френа, говорит: „Читая эти работы теперь, спустя более 70 лет после их появления, сравнивая их с работами, посвященными тому же или аналогичным предметам, не знаешь, чему больше удивляться — глубокой ли и всесторонней ученоности Френа, критическому ли уменью при обращении с испорченными текстами или же его осмотрительности и осторожности, не переходившим, однако, в нерешительность и не исключавшим известной, вполне законной в научных работах такого характера, смелости при толковании и объяснении показаний арабских авторов. В начале 19-го столетия в литературе востоковедения существовало только одно аналогичное по содержанию сочинение, которое могло выдержать сравнение с Ибн-Фадланом Френа — это «*Relation de l'Egypte, par Abd-Allatif*», бессмертное творение единственного достойного соперника — современника Френа, Сильвестра де-Саси. Эти два великих имени неограниченно царствуют в области востоковедения в конце 18-го и первой трети 19-го столетия, и трудно решить, кому из них принадлежит пальма первенства“. „И так велико было обаяние Френа, — продолжает В. Розен, — настолько ошеломляющим оказалось впечатление, произведенное его, повидимому, необъятной эрудицией и мощностью его анализа, что все те, которые были в состоянии по справедливости оценить величие совершенного им научного подвига, т. е. ориенталисты, как бы согласились признать результаты, добытые Френом относительно Ибн-Фадлана, окончательными и бесповоротными, и следовательно не подлежащими пересмотру. Я не хочу этим сказать, что не было никаких попыток читать или толковать иначе, чем это делал Френ, отдельные слова арабского текста, съяснять иначе то или другое известие Ибн-Фадлана или дру-

гого какого-нибудь арабского автора, цитированного у Френа; таких попыток, более или менее удачных, отчасти основанных на не бывших доступными Френу новых рукописных материалах, отчасти обусловленных вообще успехами арабской филологии, на самом деле было сделано довольно много, и с ними, конечно, придется считаться будущему издателю и комментатору Ибн-Фадлана, но общего пересмотра всего вопроса об Ибн-Фадлане и значении его записки не было сделано ни одним ориенталистом, и как в 1823, так и в 1902 году авторитет исследования Френа остается незыблемым и непоколебимым“ (стр. 40—41). Дав такую характеристику, акад. В. Розен, наконец, ставит вопрос о дальнейшем: „Мне кажется, что настало время и для ориенталистов пересмотреть вопрос об Ибн-Фадлане с ориенталистической точки зрения, не столько в частностях — хотя и они, конечно, не должны быть забыты — сколько в общем. Мне кажется, что настала пора для ориенталистов спросить себя: неужели в 1902 г. нельзя ничего прибавить к тому, что сказал Френ в 1823 г.?“ (стр. 41). Вопросу о таком новом пересмотре и была посвящена только что цитированная статья В. Розена. Но о ней будет итти речь в своем месте.

Итак, за те семьдесят лет, о которых говорит В. Розен, изучение Ибн-Фадлана все же продолжало двигаться вперед.

Прежде всего Френ извлек из Якута не все отрывки Ибн-Фадлана. Остались еще два, находящиеся у Якута под рубриками: „Итиль“ и „Хорезм“. Первый из них, заключающий описание некоего великана, приплывшего в г. Булгар с севера, попутное упоминание народа вису и рассказ о стене Гога и Магога, сообщен у Френа в сокращенном пересказе в статье о народе вису (Fr. Rus., SS. 207—208, 227—228). Полный перевод на русский язык всей этой статьи у Якута дан впервые только в упомянутой статье В. Розена (стр. 54—56). Второй отрывок, о Хорезме, вовсе не был переведен Х. Френом. А между тем он не только содержит ценные сами по себе сведения, но также интересные возражения Якута на сообщения Ибн-Фадлана, важные с точки зрения выяснения взаимоотношения этих авторов и оценки достоверности сообщаемых ими фактов. В этом отношении пробел Френа еще в 1864 г. был восполнен Ф. Вюстенфельдом, который как раз тогда начал большую работу по изданию всего словаря Якута и предварительно опубликовал весьма интересную работу под названием „*Jâcût's Reisen*“ (Библ. 25), где он сопоставил всевозможные рассказы, данные Якутом в его словаре о его собственных путешествиях по разным городам и странам, расположив их по возможности в том порядке, в каком Якут эти путешествия совершил. Понятно, что сюда вошло и описание Хорезма, страны, которую Якут посетил около 1219 г. (прим. 22), и возражения Якута Ибн-Фадлану, сделанные на основании личных наблюдений. Русский перевод этого же отрывка был дан впоследствии опять-таки В. Розеном в „Пролегоменах“ (стр. 56—58). Что касается еще одного последнего отрывка из Ибн-Фадлана о вису, то, насколько знаю, он впервые был указан Минорским в 1937 г. в примечаниях к его пере-

воду Худуд-аль-Алам (Библ. 1, и). Самостоятельного значения этот отрывок не имеет (см. комментарий, прим. 447).¹

Весьма важной и капитальной работой в интересующей нас области явилось далее полное издание „Географического словаря“ Якута, завершенное Фердинандом Вюстенфельдом (Библ. 17). Значение этого издания прежде всего в том, что оно дало возможность всякому знающему арабский язык ознакомиться с сочинением Якута в целом, без пропусков и подчас грубых ошибок, имеющихся в рукописях, и таким образом подойти с более глубокой оценкой к тем отрывкам из Ибн-Фадлана, которые в нем были сохранены. С другой стороны, Вюстенфельд привлек к своей работе гораздо большее число рукописей, чем Френ, и окончательно установил правильное чтение многих мест текста. Действительно, со времен Френа в Европе, кроме прежних трех, появился еще целый ряд новых рукописей, именно парижский кодекс, спящий с константинопольского (Библ. 10), берлинский в собрании Шпренгера (Библ. 6), три кодекса Британского музея (Библ. 7, 8, 9) и, наконец, мешхедский кодекс Якута (Библ. 3). Работе Ф. Вюстенфельда предшествовало, однако, издание еще двух важных сочинений: 1) книги „Китаб аль-муштарик“ самого Якута, где он дает топонимическую номенклатуру имен, которые пишутся одинаково, но обозначают разные местности, книги, изданный самим Ф. Вюстенфельдом в 1846 г. (*Jacut's Moschtarik das ist Lexicon geographischer Homonyme. Herausgeg. von F. Wüstenfeld. Göttingen, 1846*) и 2) сокращения „Географического словаря“ Якута, составленного 'Абд-аль-Му'мин ибн-'Абдалхакком (ум. 1339 г.) и изданного Juynboll'ем в 1851—1864 гг. (Библ. 22). Оба эти сочинения, в частности тщательная критическая работа Juynboll'a, просмотренная известным арабистом Флейшером, много помогли дальнейшей работе по изданию большого якутовского словаря. Ф. Вюстенфельд начал с того, что на протяжении 1861 г. списал весь берлинский кодекс. В 1862 г. благодаря содействию Б. Дорна он сравнил свой текст с рукописью Азиатского музея (Библ. 2), в следующем, 1863 г., с копией, сделанной с мешхедской рукописи Якута для Ханыкова (Библ. 3), потом с парижским (Библ. 10), оксфордским (Библ. 5) и некоторыми другими кодексами, различия которых не нашли отражения в текстах Ибн-Фадлана. Копенгагенским кодексом (Библ. 4) Ф. Вюстенфельд не пользовался, но получал о нем отдельные справки через профессора Mehren'a. Конечно, в своей работе Вюстенфельд привлек и разные другие арабские сочинения, представлявшие параллель к данным текстам. Кроме того, близкое участие в его работе советами, указаниями и просмотром текста при-

¹ Кроме того, Якут ссылается еще на какого-то Ибн-Фадлана в сообщении о сирийском городе аль-Ладикъя, именно (IV, 339, I. 11): „Сказал Ибн-Фадлан: «аль-Ладикъя город древний, названный по имени того, кто ее построил. Я видел в ней в 446-м году удивительную вещь» и т. д.“. Так как 446 год хиджры (1054—1055 г. н. э.) указывает на время, более чем на сто лет позднее времени жизни нашего Ахмеда Ибн-Фадлана, то пока, впрочем до особого исследования, приходится считать, что речь здесь идет о другом лице.